

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“
(публицистический прием сакрализации мирского)

Василий Рябов (Нитра)

Древняя Русь вместе с приятием христианства в X столетии, трансплантировала вместе с книгами, естественно письменность, а также композиционные и жанровые рамки высоко развитой византийской литературы, однако в крайне усеченном виде. На Русь пришла лишь ограниченная часть огромного потенциала этой литературы, даже религиозная литература прошла какой-то фундаментальной цензурой где-то в Византии. Поэтому на Русь пришли только такие книги как: сочинения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Домаскина, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, мистика Ефрема Сирина, Дионисия Ареопагита, Аввы Дорофея и др., даже Григорий Нисский был на Руси малоизвестным.

Огромнейший потенциал античной философии был так же неизвестен Руси (дело в том, что на соборе 1082 г. Восточная церковь осудила всю античную философию в целом, подготовка к этому началась значительно раньше). Тем самым, такие понятия как „философ“ и „христианин“ практически стали оппозицией. В связи с этим на Руси не существовала даже религиозная философия и Русь не знала таких мыслителей как: Августин, Иоанн Скот Эриугена, Абельяр, Бернар Клервоский, Ансельм Кентерберийский, Альберт Великий, Фома Аквинский, Бонавентура, Сигер Брабантский и др., не говоря уже об античных авторах. Не пришла на Русь ни светская литература, ни историческая, ни развлекательная со всем своим разнообразием жанров (за небольшим исключением вроде *Александрии*, *Девгениевом деянии*, *Истории иудейской войны* Иосифа Флавия, под названием *Повесть о разорении Иерусалима* и незначительное количество апокрифов).

Учитывая отсутствие профессионального обучения *писательскому* умению на Руси, и тем самым принуждая русских книжников приспосабливать по-своему классические, четко выработанные столетиями нормы, *соответствующие потребностям жизни Византии*, своим насущным потребностям, русские были вынуждены по-своему трансформировать эту трансплантированную литературу, используя и свой талант и народные традиции (а это коснулось и чисто сакральной религиозной литературы, естественно, в разной мере – Священное предание было высоко чтимо и неприкосновенно), но другие произведения могли подвергаться значительным изменениям

не умышленно, а в связи с все той же внутренней потребностью государства, вставшего на новый путь, соприкасаясь с новыми явлениями, решая новые задачи или, решая их по-новому.

Так, вместо византийского „маририя“, возникает русское „житие святого“, из хроник – специфически русские *летописи*, возникают жанры, которые были неизвестны Византии, например, „повести о княжеских преступлениях“, которые в свою очередь могли существовать только в составе летописей и никогда самостоятельно.

Иначе говоря, все это, собственно и создавало специфику древнерусской литературы, где могли происходить недопустимые с точки зрения византийской нормативности смешения – *сакрального и мирского*: кто-то пишет „житие“ своей матери, которая никогда не была признана русской Церковью святой (при этом не богохульствует, а просто не видит иного жанра, соответствующего его идее – написать „биографию“ любимого человека); другой пишет собственное житие, т.е. еще будучи живым, и не только непризнанным святым, а расстригнутым и преданным анафеме (опять же без злого умысла – не имея возможности официально защищать свои идеалы, использует жанр „жития“, как автобиографию и изложение своих взглядов).

Сакральное и мирское имело свои конкретные границы в Византии и касалось оно прежде всего *божественного*. В то же время Византия имела в арсенале иную литературу, где имела неограниченный простор для решения *мирского*, но Руси она „забыла“ дать такую же возможность.

В связи с этой, вынужденной обстоятельствами, потребностью приспособить тот или иной жанр, имея в арсенале или же народное творчество, или же определенный круг сугубо специфических жанров, трансплантированных из Византии в первую очередь для потребностей церковного обихода (Д. Лихачев насчитывает их около 100), тем не менее нас заинтересовало, каким образом решались публицистические жанры чисто светского характера (в вопросах религии таких проблем не должно было быть, в распоряжении священников находился целый арсенал классических примеров полемики и дискуссий святых отцов по разным вопросам, в самых разнообразных ситуациях, письма, послания пророков, что могло представлять для начитанного человека готовые инструкции). Иначе это должно было выглядеть в светской ситуации, имеющей важное значение, то ли на уровне княжеского съезда (как в Любече в 1097 г.) или же на уровне государства, где могли решаться вопросы самого важного значения, равного сакральному. Например, вопрос обороны государства после несчастного сепаратного похода Игоря Святославича в 1185 г., в результате чего была прорвана русская оборона на территории от Западной Двины до Северского Донца, от Днепра до верховий Оки, все это подверглось страшному опустошению кочевников.

Нет сомнения, что и здесь можно было использовать религиозную проповедь, к которой в это время общество уже привыкло (например, *Слово о Законе и Благодати* митрополита Иллариона), однако здесь крайне актуально было совершить что-то иное, что пробудило бы мысль самого пустого человека, что припомнило бы всем присутствующим славу дедов, былую славу, обиженного ныне кочевниками, этого государства, которое раздиралось самими внуками славных дедов. Нужно было произнести такую речь, которая осталась бы на долгое время в памяти присутствующих князей-воинов, заставила их взяться за меч и хоть на короткое время забыть свои взаимные обиды и раздоры – показать противникам, что внутренние раздоры русских князей не означают их слабость, если даже в результате этого ослабела их земля.

Однако, при этом сразу же возникает иной важный вопрос: *соотношение исторической реальности*, отраженной в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях¹ и *публицистической сакрализме* в защиту Игоря Святославича, правомерность создания ему некоего *ореола мученика за землю Русскую*, при этом тактически умалчивать о том, что таковым он не был, наоборот и деды и прадеды его приносили Русской земле несчастье, предавали ее (недаром, по деду Игоря даже автор „Слова“, доброжелательно относящийся к нему, называет „Гориславичем“).

Само собой разумеется, что публицистика и историческая реальность вещи, находящиеся часто диаметрально противоположными. Существуют даже экстремные высказывания некоторых политиков, бывших диссидентов о том, что ради достижения своих целей, политик имеет право фальсифицировать историю.

Наши личные взгляды крайне далеки от подобных экстремов, скорее наоборот – каждый исторически верный факт для нас имеет неизмеримую цену.

В отношении к *Слову о полку Игореве* в свое время мы проводили исследование причин значительного отклонения от исторической реальности, определив это как насущную потребность времени – забыть о раздорах князей и объединиться ради спасения Руси от полного разорения кочевниками.

Наше мнение не изменилось и поныне, однако в данном случае мы бы желали еще раз рассмотреть „Слово“, учитывая, что это не художественное произведение, каким его видят наши современники, спустя более 800 лет от создания, а публицистика может быть рассчитанная на одноразовое использование, работа гениального автора, благодаря таланту, которого такая незначительная фигурка в русской истории, как Северский кн. Игорь, нашла бессмертие.

¹ Повести Древней Руси XI-XII вв. Ленинград 1983, с. 354.

Нам известно, что этой речи – „слову“ посвящено более 5000 исследований: начиная от астрономии, проходя через математику и биологию (не говоря уже о филологах). При этом множестве работ существуют и абсолютно взаимоисключающие выводы исследований, но логические фундаментально обоснованные, а потому имеющие право на равноценное существование и использование. Наиболее ярким примером могут быть такие противоположные построения как: Шарлемань, Н. В. *Природа в „Слове о полку Игореве“*, в кн. *Слово о полку Игореве*, М.-Л., 1950, с. 212-217, где автор объясняет необычное поведение зверей и птиц и природы вообще, влиянием фольклора и книга Сумарукова Г. В. *Кто есть кто в „Слове о полку Игореве“*, где автор–биолог объясняет то же необычное поведение птиц и зверей – символическими поименованиями кочевников, т.к. птицы и звери в это время сидят в гнездах, выводя новое поколение.

В связи с этим мы считаем, что наша скромная попытка рассмотреть „Слово“ именно как *чисто публицистическое произведение – речь* светского характера XII ст. *способом сакрализации персонажа*, как единственно возможным действенным способом в той ситуации, учитывая то, что главный персонаж – объект защиты, скорее антигерой, заслуживающий покаяния, а не славы, но в то же время объективно ситуация не позволяет карать его, а наоборот создавать *ореол мученика*, подчеркивать „раны Игоревы“ как „раны Земли русской“. Как рефрен звучат здесь слова: „За землю Русскую, за раны Игоря – встаньте, князья!“ Как глубокий стон звучит: „О, Русская земля...“. Присутствует здесь и старый эмоциональный прием, способный выжать слезу и у воина, покрытого сединами, с иссеченным в битвах лицом, много раз спокойно смотревшему в лицо смерти. „Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось... Карна и Желя поскакали по Русской земле, горе людям мыкая...“. С большим искусством талантливый автор пробуждает гнев князей–воинов, припоминая им былую славу, внешне как бы чисто риторически, вспоминая былые времена: „О, стонати Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским: теперь же встали стяги Рюриковы, а другие – Давыдовы, но врозь у них полотнища развеваются“.²

По нашему мнению, только обратное, крайность – *сакрализация Игоря*, представление его мелкого пиратского набега, как подвиг во имя земли Русской могло иметь успех, если целью было не защита малозначущего Северского князя, а пробуждение общего гнева у почти ненавидящих друг друга князей. При этом, как мы уже указали, внешняя сакрализация князя Игоря исподволь навязывалась, как *припоминание действительно сакральной, священной для всех повинности – защиты земли Русской*, забыв свои мелочные

² Там же, с. 378-411.

раздоры, хотя бы на короткое время, на время укрепления глубоко прорванной русской оборонительной линии.

Само собой разумеется, что такой прием был под силу только необычайно талантливому и грамотному, при этом еще и независимому человеку (возможно боярину Петру Бориславичу, как утверждает акад. Б. Рыбаков). Видимо, не случайно в этой речи – „слове“ отсутствует богословская риторика – речь не должна вызывать смирение, покаяния „за грехи наша“, наоборот, она должна поднять боевой дух. Ведь перед автором, кто бы он ни был, сидели воины–полуязычники лучше владевшие мечом, а не крестом и молитвами, и именно их меч был потребнее всего в то время.

Объективности ради, попытаемся рассмотреть на основе нам известных фактов, что же собой представлял в действительности сепаратный поход кн. Игоря, кто он в действительности был и отчасти попытаемся представить иные мнения об этом историческом событии.

Анализируя *Слово о полку Игореве*, как и всякое иное произведение с исторической тематикой, мы сталкиваемся с проблемой исторического факта и художественного вымысла или с определением меры отступления от исторической реальности, наблюдая значительные расхождения в следующих важных вопросах:

1. оценка похода кн. Игоря Святославича Северского, как исторического факта;
2. идейная позиция автора произведения, понимание которой важнее, чем в любом другом произведении (в данном случае мы определили позицию автора, как талантливого адвоката–патриота, страдающего за судьбу своей Родины).

Коротко о предистории трагического похода Игоря Святославича Северского в апреле–мае 1185 г.

В 1180 г. кн. Игорь командовал объединенными войсками ханов Кончака, Кобяка и князя Святослава Всеволодовича, борющимися против киевского князя Рюрика Ростиславича. Наголову разбитый Игорь вместе с ханом Кончаком уплывает на лодке, спасаясь от преследования кн. Рюрика. Однако, одержав победу, Рюрик Ростиславич добровольно уступает киевский трон своему противнику – Святославу Всеволодовичу с тем, чтобы тот организовал совместный с Ольговичами отпор половцам.

В феврале 1184 г. Игорь Святославич командует объединенными русскими войсками, выступившими в поход против половцев, но еще в пути он ссорится с кн. Владимиром Глебовичем Переяславским, они начинают взаимно захватывать и грабить города соперников – поход против половцев срывается.

Летом того же года осуществляется новый поход против половцев, но Игорь не участвует в нем, объясняя: „Далече ны есть ити вниз Днепра“. В то

же время он самостоятельно совершает поход против половцев. В следующем походе, организованном в феврале 1185 г. Святославом и Рюриком, Игорь вновь не принимает участия, ссылаясь на плохие погодные условия. В результате этого похода войска Кончака отогнаны от границ Киевского государства, но не разбиты; и поэтому Святослав Всеволодович, стремясь организовать новый объединенный поход русских войск, отправляется в Корчаев собрать „от верхних земель вои, хотя ити на половци к Донови на все лето“.

В это время князь Игорь Святославич Северский и совершает трагический сепаратный поход на половцев, в результате которого не только погибло все северское войско, но была опустошена огромная территория от верховий Западной Двины до Северского Донца, от Днепра до верховий Оки и в целом на значительном участке была прорвана русская оборона.

Таким образом, „княжье неспособность“ и своеволие становились величайшим злом эпохи, что не могло не обеспокоить современников. Поэтому уже тогда мы находим стремление дать исторически верную оценку самовольному походу кн. Игоря против половцев.

Однако, наряду с общим стремлением дать исторически верные оценки этому самовольству кн. Игоря, в статьях Ипатьевской и Лаврентьевской летописей мы уже находим расхождения.

Лаврентьевская летопись не только обвиняет Игоря в несчастьи, постигшем Русскую землю, в „нерыцарском“ поступке – побеге без выкупа, но даже отождествляет северян с половцами (это, возможно, имело свою историческую подоплеку: известно, что князя Ольговичи были родственниками половецких ханов – жена Олега Святославича, бабушка Игоря, была дочерью половецкого хана Асалула, сын Игоря – Владимир был помолвлен с дочерью хана Кончака еще накануне похода Игоря в 1185 г., (в „ плену“ же и состоялась свадьба).

Уместно заметить, что не только Ольговичи женились на половецанках, но и многие другие русские князья, в том числе и их противники – Мономаховичи. Тем не менее, как отмечает акад. Д. Лихачев: „Половецкие симпатии Олега положили начало специфической половецкой политике Ольговичей“.³ Видимо, не случайно автор „Слова“ в отношении половцев употребляет эпитет „сваты“: „...тут пир докончили храбрые русичи: сватов напoили, а сами полегли за землю Русскую.“

Если Лаврентьевская летопись обвиняет Игоря, то Ипатьевская, по верному наблюдению Н. С. Демковой, как бы последовательно отвечает на все

³ ЛИХАЧЕВ, Д.: Слово о полку Игореве и культура его времени. Ленинград 1978, с. 107.

упреки,⁴ оправдывая поступки Игоря его молодостью „не воздержавше уности“.

Однако, если сам автор „Слова“, одновременно укоряя и оправдывая Игоря (уже указанным нами способом – сакрализацией персонажа), то есть, здесь объясняет его опрометчивый поступок стремлением к чести и славе, и в этом случае поведение средневекового князя–воина не нуждается в дополнительном комментарии, то слова Ипатьевской летописи звучат несколько неожиданно.

Игорю Святославичу Северскому в 1185 г. было 34 года. Много это или мало для средневекового князя–воина трудно оценить с позиций нашего дня. Однако известно, что военному делу князья начинали обучаться с детского возраста. Д. Лихачев указывает, что до XIII ст. русские князья вели образ жизни, подобный западно–европейскому: при их дворах устраивались рыцарские турниры, совершались „посаги“ шестилетних детей–князей.⁵ В *Повести временных лет* рассказывается об участии малолетнего князя Святослава Игоревича в битве с древлянами. Наконец, Дмитрию Ивановичу Донскому, организовавшему успешный поход против хана Мамай и руководившему битвой на Куликовом поле, было всего 30 лет.

Неоднозначное отношение к оценке похода кн. Игоря Северского не изменилось и по сей день. Приведем некоторые примеры. Акад. Д. Лихачев, объясняя причину сепаратного похода Игоря и одновременно соглашаясь с тем, что неучастие Игоря в объединенном походе русских князей в феврале 1185 г. объясняется плохими погодными условиями, говорит: „По-видимому, Игорь тяжело переживал эту неудачу... ему не удалось доказать своей“ преданности союзу русских князей против половцев“, далее Лихачев наделяет Игоря следующими качествами: „Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность... страдающее самолюбие“.⁶

Акад. Б. Рыбаков, напротив, осуждая поход Игоря, говорит, что для черниговских и северских князей „всегда интересы их земли были выше общерусских интересов“⁷, а князь Игорь „вовсе не был сторонником единства русских князей“, „он в острейшие моменты русско–половецкого противостояния уклонялся от участия в общем деле...“.⁸

⁴ ДЕМКОВА, Н.: К вопросу о времени написания „Слова о полку Игореве“: Вестник ЛГУ № 14, История, язык, литература, вып. 3. Ленинград 1973.

⁵ ЛИХАЧЕВ, Д.: Размышления об авторе „Слова о полку Игореве“: Русская литература. 1985, № 3, с. 4.

⁶ ЛИХАЧЕВ, Д.: Великое наследие, Москва 1979, с. 176.

⁷ РЫБАКОВ, Б.: „Слово о полку Игореве“ и его современники. Москва 1971, с. 124.

⁸ РЫБАКОВ, Б.: Историзм „Слова о полку Игореве“: История СССР. 1985, № 5, с. 36.

Правда, в другой своей работе акад. Д. Лихачев, определяя катарсис в „Слове“ как очищение через прозрение, пишет: „Поэтому и Игорь никак не мог рассматриваться ни в „Слове“, ни в рассказе Ипатьевской летописи как лицо безусловно положительное“.⁹

Историк Г. Е. Пядышев, определяя место битвы, подчеркивает: „Преследуя свои собственные цели, Игорь устанавливает с Кончаком дружественные отношения, закрепляя их впоследствии женитьбой сына Владимира на дочери Кончака“. И вообще, по его мнению, Игорь шел не на кочевья хана Кончака, а скорее на кочевья хана Кзы, ибо „...вовсе не в интересах Игоря было нападать на Кончака и тем самым оказывать помощь своему врагу Владимиру и терять такого сильного союзника“.¹⁰ Именно поэтому, по его мнению, Игорь и не принял участия в объединенном походе русских войск в феврале 1185 г., сославшись на плохую погоду.

В. В. Кусков выражает следующую точку зрения: „Цель предпринятого Игорем похода ясна и благородна: он „навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую. Сам Игорь отважен и смел“, но далее продолжает: „Игорь, внук Гориславича, по сути дела, продолжает линию деда своим самовольным поступком... И поэтому, как в прошлом люди осуждали Олега, так и теперь проклинали Игоря за обиду, нанесенную Русской земле“.¹¹

Иную оценку похода и личности кн. Игоря мы находим у В. Ф. Переверзева: „Герой „Слова“ Игорь представляет собой реализованный идеал дружинно-феодального героя своего времени... Сознывая, что на нем лежит священный долг оберегать от хищников Русь, он „напльнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъки на землю Половецкую за землю Рускую“. В поражении Игоря он видит беду, а не вину, и поэтому утверждает, что, что „он (Игорь) не теряет своего обаяния, усиленного его благородным стремлением сложить голову за Русскую землю“.¹²

Даже масштабы самого похода Игоря разными авторами толкуются по-разному: одни ученые считают поход Игоря незначительным, пиратским набегом, другие – крупным по замыслу военным походом через всю Половецкую землю, по-разному интерпретируя фразу: „Хошу бо,– рече,– копие приломити конец поля Половецкаго“.

⁹ ЛИХАЧЕВ, Д.: „Слово о полку Игореве“ и культура его времени. Ленинград 1978, с. 209.

¹⁰ ПЯДЫШЕВ, Г.: Поход Игоря в 1185 году. Место битвы. История СССР. 1980, № 4, с. 44.

¹¹ КУСКОВ, В.: Слово о войне, мире и братстве. Русский язык за рубежом. 1985, № 4, с. 92–93.

¹² ПЕРЕВЕРЗЕВ, В.: Литература Древней Руси. Москва 1971, с. 57–59.

Можно привести еще целый ряд подобных противоречащих друг другу точек зрения, однако, по–нашему мнению, приведенные факты в достаточной мере иллюстрируют крайнюю неоднозначность оценки похода князя Игоря как исторического факта (это, по нашему мнению, и давало практически неограниченный простор автору „Слова“ – адвокату кн. Игоря произнести свою глубоко эмоциональную, образцово художественную речь – „слово“, преследуя свою патриотическую цель, *даже „согрешив“, сакрализируя сомнительную личность*, что однако в публицистике, видимо, никогда не считалось грехом).

Кроме вышеуказанных публицистических целей неизвестного автора „Слова“, считаем своей обязанностью отдать должное его независимости в суждениях, смелости его мысли и логике „защиты“.

Как бы там ни было, очевидно, что автор „Слова“ сочувствует лично кн. Игорю, возможно понимая случившееся лучше других, зная лично Игоря, его плюсы и минусы. Мотивы такого сочувствия отмечает тот же акад. Д. Лихачев и объясняет их тем, что Игорь по сути дела продолжал традиционную средневековую политику своего рода – борьбу Ярославичей со Всеславичами – как бы по инерции, и его плохие деяния – результат заблуждения эпохи, сыном которой он являлся. При этом он замечает, что защищая Игоря, автор „Слова“ четко различает и осуждает *узкофеодальное понятие чести*, однако понятие „обида“ для него *уже теряет узкофеодальный смысл*: поражение Игоря – это „обида“ всей земли Русской! Осуждение Игоря он объясняет поиском „чести“ и „славы“ в узкофеодальном смысле, т.е. в ущерб интересам родины, а также использование „сватов“ (половцев) в междоусобной борьбе. Упрек в отсутствии единства русских князей в деле борьбы за свою родину, это упрек, фактически, относящийся уже ко всем присутствующим князьям-воинам („адвокат“ использует новый прием и одновременно судит всех). Автор „Слова“, защищая, в то же время безжалостно судит Игоря, там где это необходимо: „Неразумный сепаратный поход погубил все северское войско и навлек неисчислимые беды на Русь... слова поэта тяжелый обвинительный акт Игорю от имени погубленных им воинов, их жен и вдов, от имени всей Руси...“ И далее. „Если бы поэт не сказал всего этого, если бы приуменьшил размеры катастрофы, то в его речи прозвучала бы фальшь, он не достиг бы своей высокой цели – помочь общими силами Игорю ради спасения от новых несчастий всей Руси.¹³ В целом же, „поход был только причиной написания, но не объектом воспевания“.¹⁴

¹³ РЫБАКОВ, Б.: Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“. Москва 1972, с. 490-491.

¹⁴ РЫБАКОВ, Б.: Историзм „Слова о полку Игореве“. История СССР. 1985, № 5, с. 49.

В соответствии с логикой нашего осмысления *Слова о полку Игореве*, естественно западает мнение Н. Г. Гудзия, о том, что автор не был ни апологетом, ни сторонником Игоря и защищал его только потому, что Игоря „невыгодно было изображать с явно отрицательной стороны“, имея целью организацию нового похода, объединенных войск против половцев. „Чтобы успешнее объединить князей, нужно было внушить им жалость к разгромленному Игорю.“¹⁵

Отсюда становится понятным, абсолютно нелогичное на первый взгляд, почему Игорю в заключении поэмы поют славу даже „девицы на Дунае“, почему „села рады, грады веселы“ в то время, когда в действительности его должны „каять“ (проклинать) люди, если еще учесть установку автора (на сакральность подвига Игоря).

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время, как бы мы ни пытались объяснить это фундаментальное произведение, наиболее ясна лишь цель отклонения автора „Слова“ от исторической действительности (который к тому же, как указывают все исследователи сам был профессиональным воином, и возможно участником похода Игоря) – это призыв к единству. Степень же этого отклонения, не имея точных данных о событии (в живых осталось только 16 человек), видимо вопрос будущего. Тем не менее, остается фактом наличие таких отклонений: частный, пиратский набег Игоря превращен в событие общерусского масштаба, сам Игорь – далеко не безупречная фигура, в поэме почти национальный герой (нужно отдать должное таланту автора „Слова“), чуть ли не равный святому мученику, князю киевскому Святославу также придается определенное величие, которого он в действительности не имел (это так же можно понять, исходя из нашей установки на сакральность – глава Русской земли, естественно велик, как и сама земля).

Наличие этих отклонений можно объяснять чем угодно, но не художественным вымыслом, речь идет о XII ст., а в это время такое понятие было неизвестным начинающей русской литературе, с этим она встретилась не раньше XVI-XVII ст.(т.е. автор мог писать о чуде,если верил в это, но вымышлять „чудо“ не смел).

Многое остается не совсем ясным в *Слове о полку Игореве*, однако важнейшим является все же понимание того факта, что неизвестный гениальный древнерусский книжник еще в XII ст. обратился к людям с мудрым призывом – объединиться. Этот страстный призыв, выражающий вековые чаяния человечества, бессмертен, он был и остается не только понятным, но и актуальным даже в наше время – спустя 800 лет. Само произве-

¹⁵ РЫБАКОВ, Б.: Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“. Москва 1972, с. 401.

дение, в связи с отдаленностью во времени, все более и более приобретает чисто литературный характер, хотя в действительности это была публицистическая речь, соответствующая и своей эпохе, и узкому кругу очень важных слушателей, одновременно, имея свое конкретную, специфическую цель.